

УДК 94(47).083
DOI 10.52452/19931778_2021_2_30

ДВОРЦОВЫЙ КОМЕНДАНТ В.Н. ВОЕЙКОВ И НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ НИКОЛАЯ II В 1914–1917 гг.

© 2021 г.

М.А. Князев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

kn.mark.nn@mail.ru

Поступила в редакцию 28.01.2021

Анализируются взаимоотношения дворцового коменданта (начальника царской охраны) В.Н. Воейкова с неофициальным окружением Николая II: Г.Е. Распутиным, А.А. Вырубовой, М.М. Андрониковым – на протяжении 1914–1917 гг. Определяется характер взаимодействия представителей вневедомственных влияний и дворцового коменданта, при этом опровергается имеющее место в литературе представление о принадлежности В.Н. Воейкова к «придворной камарилье». Обосновывается политическая значимость должности дворцового коменданта как наиболее приближенного к царю человека, что теоретически позволяло вневедомственным влияниям использовать занимавшего эту должность как механизм передачи тех или иных идей или просьб. На основе как опубликованных, так и неопубликованных источников доказываем, что дворцовый комендант не только не был проводником влияния «камарильи», но и всячески противодействовал попыткам «безответственных влияний» при дворе. При этом установленные факты удовлетворения генералом отдельных просьб «неофициальных» просителей не затрагивали должностных полномочий коменданта и носили личный, неполитический характер. Отдельно рассматриваются взаимоотношения Воейкова с официальными лицами, близкими к Г. Распутину: митрополитом Питиримом (Окновым) и епископом Варнавой (Накропиным). Внешняя почтительность в отношении Воейкова с церковными иерархами не отменяла определенного дистанцирования генерала от лиц, связанных с представителями «темных сил». Делается вывод о том, что в условиях нарастающего внутриполитического кризиса умелое лавирование дворцового коменданта между представителями как официального, так и неофициального окружения Николая II длительное время помогало сохранять непрочное равновесие в раскладе политических сил в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: В.Н. Воейков, Николай II, камарилья, Первая мировая война, Г.Е. Распутин, М.М. Андроников, А.А. Вырубова.

Вопрос о природе и характере существования в России в годы Первой мировой войны т.н. «придворной камарильи», или «безответственных влияний», относится к числу дискуссионных. Если советские историки А.Я. Аврех [1] и В.С. Дякин [2] не сомневались в том, что так называемые «влияния», подчас определявшие внутреннюю и внешнюю политику государства, имели место, то некоторые, например Е.Д. Черменский [3], Г.З. Иоффе [4], вообще не видели в камарилье никакой сплоченной политической силы, отмечая ее бессистемный спорадический характер. С.В. Куликов, не отрицая попыток влияния камарильи на принятие тех или иных решений, тем не менее призывает обращать внимание на их результативность, которая в отражении, в частности, на кадровой политике царя в период «министерской чехарды» была ничтожно мала [5, с. 123]. Наиболее полную, масштабную картину действий «безответственных влияний» в годы Первой мировой войны представил И.В. Лукоянов [6]. Он определяет камарилью как «не предусмотренную законодательством систему принятия и реализации важных политических решений, за которой стояли безответ-

ственные, то есть не занимающие ключевых постов в административном аппарате и некомпетентные лица, тем или иным путем получившие доступ к царю или его крупнейшим сановникам, позволяющую им осуществлять свои замыслы» [6, с. 630].

В определение, данное И.В. Лукояновым, следовало бы внести небольшую, но важную коррективу. Применительно к периоду Первой мировой войны можно говорить о попытках камарильи влиять не только на царя и «крупнейших сановников» в принятии важных решений («министерская чехарда»), но и на тех лиц, кто занимал наиболее приближенное положение (не в смысле государственно-политическом, а личном) по отношению к монарху. В данном случае мы имеем в виду дворцового коменданта, то есть начальника царской охраны, генерала В.Н. Воейкова¹, занимавшего этот пост в 1914–1917 гг.

Политическая значимость этой отнюдь не первостепенной придворной должности, тем не менее, так и не была по достоинству оценена историками. Ведь возможность лиц, не имевших официального статуса, попасть в царский

дворец и общаться с монархом в немалой степени зависела от начальника царской охраны – дворцового коменданта. Человек, занимавший эту должность, мог препятствовать представителям «безответственных влияний» проникать к императору или, наоборот, способствовать им в этом. Кроме того, дворцовый комендант, имея право внеочередного доступа к царю, а главное, постоянно находясь в непосредственной близости к монарху, имел широкие возможности выступать его советником, доводить до императора идеи и предложения политического характера (в частности, за авторством представителей «неофициального окружения»). Исследование и решение вопроса о взаимоотношениях дворцового коменданта и камарильи в 1914–1917 гг. поможет нам приблизиться к решению дискуссионной проблемы о степени влияния «неофициального окружения» на царя.

Чрезвычайная следственная комиссия Временного Правительства, проводившая расследования деятельности бывших министров, в частности окружавших престол «темных сил», отнесла к «безответственным влияниям» на царя и дворцового коменданта Воейкова [8, с. 7]. Однако это, безусловно, было преувеличением: даже по формальным признакам Воейков не мог быть отнесен к камарилье, так как он занимал официальную придворную должность, хотя и весьма влиятельную.

Под членами «камарильи» в данной статье мы будем понимать лиц, не занимавших ключевых государственных постов, но так или иначе контактировавших с Воейковым и активно пытавшихся использовать административный ресурс генерала: «старец» Г.Е. Распутин, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода князь М.М. Андроников, бывшая фрейлина и близкая подруга Императрицы А.А. Вырубова. Также будут затронуты взаимоотношения Воейкова с лицами, близкими камарилье (митрополит Питирим (Окнов), епископ Варнава (Накропин)).

Взаимоотношения дворцового коменданта с представителями «безответственных влияний» начались сразу же после вступления Воейкова на этот придворный пост (конец декабря 1913 г.).

Так, уже 19 января 1914 г. поздравительное письмо Воейкову в связи с вступлением в должность прислал известный в столице как авантюрист князь М.М. Андроников. Однако за формальным поздравлением скрывалось нечто большее: князь просил генерала о встрече, чтобы «лично сообщить <...> о некоторых, могущих заинтересовать <...> вопросах» [9, л. 1–1об.]. Воейков не стал реагировать на любезное приглашение к сотрудничеству, что вызвало

гневную реакцию Андроникова [9, л. 2–3, 4–4об.]. Только обращение последнего к министру Императорского двора графу В.Б. Фредериксу помогло уладить возникшее недоразумение [10, с. 389–390], и в конце января 1914 г. состоялась первая личная встреча Воейкова и Андроникова [11, с. 62–63], на которой князь попытался установить контакт с дворцовым комендантом, чтобы выступать в будущем в качестве его «осведомителя» по политическим делам.

Одной из ключевых тем разговоров, которые происходили между ними на протяжении 1914–1915 гг. приблизительно раз в два месяца [11, с. 63], стала деятельность военного министра В.А. Сухомлинова, вернее, его «незаконные действия», якобы приведшие к кризису снабжения в армии [10, с. 390]. И хотя к «сенсациям» князь генерал относился довольно индифферентно [11, с. 63], Андроников был уверен, что Воейков передает информацию непосредственно царю [10, с. 385]. Более того, когда в апреле–мае 1915 г. Сухомлинов делал попытки выслать Андроникова из столицы, князь был абсолютно спокоен: «У меня был защитник, ген. Воейков: я верил, что если будет приказано меня выселить, то я обращусь к Воейкову и скажу, что это интрига Сухомлинова» [10, с. 378]. Судя по всему, Андроников рассчитывал найти в дворцовом коменданте союзника и помощника в борьбе с военным министром, однако никакого отклика со стороны генерала на этот призыв не прозвучало.

Письменные обращения Андроникова к Воейкову в это время ограничились ходатайствами (телеграмма от 14 марта [9, л. 121] и письмо от 4 апреля [9, л. 23–24]) за опального генерала Н.А. Епанчина, руководителя Вержболовской группы русских войск, неудачные действия которой зимой 1914/1915 г. не позволили русской армии занять Восточную Пруссию до Вислы [12, с. 115–116]. Генерал пытался защитить свое доброе имя, составил записку о действиях руководимой им группы, экземпляры которой послал различным влиятельным лицам (Вдовствующей Императрице Марии Федоровне, великому князю Сергею Михайловичу). Аналогичный экземпляр был послан и Андроникову для передачи его Воейкову, однако дворцовый комендант не отвечал на эти письма [13, с. 80]. А в апреле 1915 г. Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич принял решение уволить Н.А. Епанчина от действительной службы [12, с. 117].

Знакомство дворцового коменданта и Г.Е. Распутина произошло благодаря подруге императрицы А.А. Вырубовой. Так, 20 января 1914 г. она написала Воейкову, что «у меня се-

годня от 7½ до 8½ будет «Старец» и Их В[еличества] желали б, чтобы вы его увидели. Не зайдете ли Вы на минуту?» [14, л. 1–2]. Хотя в письме и подчеркивалось, что приглашение генералу познакомиться с Г.Е. Распутиным исходило от венценосцев, подтекст письма говорит о том, что и сама А.А. Вырубова желала, чтобы эта встреча произошла. Воейков пришел в тот вечер в дом Вырубовой, однако его непродолжительная встреча со «старцем» не зародила между ними симпатии: на дворцового коменданта Распутин произвел «отталкивающее впечатление» [11, с. 91]. Холодок в отношениях со стороны генерала почувствовал и «старец»: после встречи он говорил, что «Вивейка меня не любит» [11, с. 92].

Однако, несмотря на отворот, данный Воейковым Распутину, последний всё равно надеялся на то, что отношения с дворцовым комендантом будут налажены. Так, 5 апреля 1914 г. «старец» направил пребывавшему вместе с Царской семьей в Ливадии Воейкову поздравительную телеграмму: «Христос Воскресе. Дорогому труженику во спасение». С ответом генерал не замедлил: «Воистину Воскресе искренно благодарю [за] добрую память» [15, л. 3]. Судя по всему, такой ответ со стороны Воейкова был лишь проявлением вежливости, учтивости, однако Распутин воспринял ответ как готовность генерала к сотрудничеству. Следствием этого стало обилие писем с разного рода просьбами, которые направлялись Распутиным лично генералу или через другие каналы с целью исполнения этих просьб.

Письма Распутина Воейкову, отложившиеся в фонде 1467 Государственного архива РФ (Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц), могут дать нам некоторое представление о том, с какими просьбами обращался «старец» к дворцовому коменданту. Учитывая то, что грамотность Распутина не была образцовой, содержание его посланий подчас затруднительно для правильного восприятия. Большая часть его записок, написанных чернилами на небольших кусочках бумаги, представляет собой просьбы о помощи тем или иным людям, как-то: «девке» Александре Фракман, муж которой служит на Путиловском заводе [15, л. 6–7], «обиженной матери» с детьми [15, л. б/н], семье, которой нужны билеты на дорогу [15, л. 14], знакомому, которому нужно приискать «местечко» [15, л. 13] и др. Большинство писем не датировано, однако судя по датам на конвертах, отложившихся в соответствующем деле, они были написаны в конце 1914 – первой половине 1916 г.

Но Распутин обращался к Воейкову и посредством других лиц. Судя по всему, это происходило тогда, когда генерал игнорировал просьбы «старца». Так, 9 февраля 1915 г. к дворцовому коменданту с письмом обратился чиновник для особых поручений Департамента полиции Б.К. Алексеев, в котором сообщил, что Распутин «сказал мне, что он уже говорил Вашему Превосходительству обо мне, снабдил меня собственноручным к Вам письмом и приказал мне быть у Вашего Превосходительства в один из ближайших дней» [16, л. 7–7об.]. П.В. Мультиатули предполагает, что в данном случае Алексеев хотел передать Воейкову конфиденциальную информацию, касающуюся государственной безопасности (Алексеев собирал сведения о деятельности масонов в Западной Европе и России) [17, с. 258], однако дальнейшее развитие событий позволяет усомниться в этом. Судя по всему, дворцовый комендант не считал нужным реагировать на это письмо, поэтому 12 марта 1915 г. Распутин послал Вырубовой телеграмму следующего содержания: «Скажите нашему собрату единомышленнику Воейкову пусть примет Бориса Алексева выслушает сделает место свободно он увидит обязательно сделать надо» [14, л. 8]. Видимо, проситель так и не был принят, а его просьба так и осталась невыполненной. Ведь согласно справке о Б.К. Алексееве из дела о наружном наблюдении за Распутиным, по состоянию на декабрь 1915 г. «Алексеев занят устройством себя к г. Министру Внутренних дел или к его тов. Тайному советнику Белецкому» [17, с. 257].

Подобный ход был сделан Распутиным и в конце 1915 г., когда к Воейкову письменно обратилась некая Э.Ф. Ермолова, направленная «старцем» к дворцовому коменданту с письменным ходатайством первого [16, л. 18–19]. Ермолова дважды (8 декабря 1915 г. и 14 января 1916 г.) обращалась к Воейкову с просьбой о приеме, но ответа так и не последовало.

В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Воейков объяснил, что расценивал записки, посылаемые Распутиным, как «позерство», желание показать, что он («старец») находится в хороших отношениях с дворцовым комендантом. «Затем, он присылал ко мне просителей, я ни одного просителя не принял; только двух девочек Полятус, меня просили заплатить за них в гимназию; ну, я заплатил» [13, с. 64].

Интересно, что следователь комиссии В.М. Руднев вспоминал, что «при обыске в канцелярии Дворцового Коменданта генерала Воейкова было обнаружено несколько писем на его имя такого содержания «Енералу Фавейку.

Милой дорогой, устрой ее. Григорий». На письмах оказались отметки, сделанные рукой Воейкова, сводившиеся к указанию имени, отчества и фамилии просителей, их местожительства, содержания просьбы, отметки об удовлетворении просьбы и об оповещении просителей. Несколько писем, тождественного содержания было найдено и у бывшего Председателя Совета Министров Штюрмера, а равно и у других высокопоставленных лиц» [18, с. 44]. Не представляется возможным проверить правдивость слов Руднева, так как среди сохранившихся писем Распутина Воейкову нет ни одного, на котором были бы пометы постороннего лица. Учитывая же негативное отношение генерала к Распутину, а также частые отказы в его просьбах, можно предположить, что Руднев, верно воспроизводя основной лейтмотив писем «старца», ошибочно приписывает Воейкову удовлетворение этих просьб. Впрочем, может быть, обнаруженные следователем записки как раз и касались дела Полятус, в таком случае видимое противоречие снимается.

Среди сохранившихся писем Распутина Воейкову практически нет обращений по вопросам политического характера. Единственное письмо, касающееся назначения на государственный пост, было направлено генералу Распутиным в феврале 1916 г. с просьбой устроить инженера Н.К. Кульжинского «на место уходящего инженера Борисова», начальника Управления железных дорог Министерства путей сообщения [15, л. 11]. Однако вместо И.Н. Борисова, уволенного 15 февраля, 18 апреля был назначен Н.П. Осипов [5, с. 138–139].

2 января 1915 г. произошло трагическое событие: в результате катастрофы на железной дороге тяжелейшие ранения и увечья, почти не совместимые с жизнью, получила А.А. Вырубова. Размещенная в одной из палат дворцового госпиталя Царского Села, подруга императрицы вызывала повышенный интерес со стороны распространителей сплетен, да и просто любопытствующих. В начале января 1915 г. Вырубову в госпитале посетил и Распутин [19, с. 62]. До палаты бывшей фрейлины «старца» провожал Воейков, что было истолковано очевидцами не в пользу генерала, представлявшегося современникам «другом» Распутина [20, с. 35–38; 21, с. 174; 22, с. 9].

Насколько можно судить по письмам А. Вырубовой Воейкову, их отношения на протяжении 1914–1915 гг. носили полуофициальный-полудружеский характер. Будучи близкой к Императрице, Вырубова часто передавала Воейкову различные бумаги от царицы, с которыми нужно было ознакомиться или по которым

требовалось высказать свое мнение [14, л. 10, 18, 19, 27, 28–29]. Иногда в посылаемых записках заключались частные просьбы о помощи отдельным лицам, предложения о встрече.

Так, в письме от 20 июня 1915 г. Вырубова передает просьбу Александры Федоровны освободить от несения воинской службы единственного сына Распутина (об этом перед царицей ходатайствовал сам «старец») [14, л. 25–26]. Интересно, что в тот же день письмо с аналогичной просьбой, но в более категоричной форме Императрица послала царю в Ставку: «Не может ли Воейков написать военному начальнику? Это, кажется, касается его, прикажи ему, прошу тебя» [23, с. 194]. Но Воейков не торопился с исполнением «приказа». 11 сентября царица сообщала мужу о том, что «Григорий прислал отчаянные телеграммы о своем сыне, просит принять его в Сводный полк². Мы сказали, что это невозможно. А[нна Вырубова] просила Воейкова что-нибудь для него сделать, как он уже прежде обещал, а он ответил, что не может. Я понимаю, что мальчик должен быть призван, но он мог бы устроить его санитаром в поезде или чем-нибудь вроде этого» [23, с. 285]. Слова царицы по поводу прежнего «согласия» Воейкова помочь Д. Распутину, зная отрицательное отношение генерала к «старцу», вряд ли можно оценивать серьезно: скорее, это была попытка выдать желаемое за действительное.

Отказ Воейкова идти на поводу у «старца» привел к тому, что решение вопроса произошло лишь в октябре 1915 г., когда Александра Федоровна дала Воейкову поручение передать и. д. начальника Генерального штаба М.А. Беляеву распоряжение о переводе из 35-го сибирского запасного батальона стрелка 3 роты Дмитрия Распутина из города Тюмени в распоряжение петроградского уездного воинского начальника для зачисления его в кадр санитаров. Но в связи с тем, что Воейков уезжал с Императрицей в Ставку, генерал просил по телефону Беляева принять с соответствующим распоряжением штаб-офицера для поручений при дворцовом коменданте полковника Д.Н. Ломана [24, с. 171–176]. Беляев сообщил, что «все будет немедленно сделано», так как «почитает священной обязанностью исполнить желание Ея Величества» [16, л. 16]. Действия Воейкова в вопросе о переводе Дмитрия Распутина свидетельствуют о том, что генерал не шел на поводу у членов «камарильи», более того, самостоятельно отстранился, дистанцировался от участия в не совсем законном предприятии.

31 июля 1915 г. Вырубова письмом оповестила Воейкова о том, что Распутин приехал в Царское Село на два дня и будет находиться на

квартире у Вырубовой [14, л. 11]. За письмом-оповещением, видимо, стояло желание Вырубовой снова пригласить Воейкова для встречи со «старцем». Однако генерал так и не отозвался на приглашение экс-фрейлины, поэтому в записке от 4 августа она просила прислать автомобиль для Распутина, который на следующий день покинет город. Также Вырубова высказала сожаление по поводу отсутствия генерала: «какая досада, что Вас не было сегодня утром» [14, л. 13].

Для Воейкова, который «всей душой ненавидел Распутина» [19, с. 226] и считал его «злым гением Императорского дома и России» [18, с. 52], такая настойчивость со стороны фрейлины стала поводом к ухудшению их отношений. Так, в августе 1915 г. «генерал наговорил много ненужного» А.А. Вырубовой относительно Распутина [19, с. 191]. И хотя вплоть до конца 1915 г. отношения между генералом и фрейлиной поддерживались, между ними пошла большая трещина.

Знаковым политическим событием осени 1915 г. стало назначение депутата А.Н. Хвостова министром внутренних дел. И хотя принято считать, что данное назначение было победой «камарильи», сегодня можно считать установленным, что данное назначение было продиктовано волеизъявлением царя, поддержанным царицей и их ближайшим окружением [25; 26].

Тем не менее, желая показать свою активную роль в лоббировании этого назначения, Андроников 30 августа послал Воейкову телеграмму, в которой просил поддержать назначение Алексея Хвостова [9, л. 113]. Однако никакого отношения ни к выдвижению, ни к назначению Хвостова дворцовый комендант не имел: кандидатура депутата была предложена царем премьер-министру еще в июле [25, с. 40], а окончательное решение царь принял только во второй половине сентября [26, с. 48]; нет никаких сведений о том, что генерал что-либо советовал Императору по этому вопросу.

А в письме от 23 сентября Андроников просил Воейкова о встрече с А.Н. Хвостовым («он [Хвостов] жаждет видеть Вас» [9, л. 26об.]), которая и состоялась в ближайшие дни [19, с. 184]. Можно предположить, что желание Хвостова встретиться с дворцовым комендантом было обусловлено их отрицательным отношением к Распутину: видимо, экс-депутат надеялся найти в Воейкове надежного союзника в этой борьбе [20, с. 35–36, 38].

В период «дела Б.М. Ржевского» (декабрь 1915 – февраль 1916 г.), когда А.Н. Хвостов был бесосновательно обвинен в попытке физического устранения Г. Распутина, дворцовый комендант изначально поддержал оклеветанного ми-

нистра. А 5 февраля, еще находясь в Ставке, Воейков доложил царю о необходимости выслать Распутина в Сибирь с целью прекратить раздувание антидинастических слухов [19, с. 271]. После возвращения в Царское Село 8 февраля Николай II передал содержание доклада Александре Федоровне, последняя сообщила его Вырубовой, что стало причиной весьма эмоционального разговора между бывшей фрейлиной и дворцовым комендантом. Вырубова высказала Воейкову, что он своими разговорами «расстраивает Государя». На это генерал вспылал и просил ответить, «пьянствует ли Распутин по кабакам или нет». Когда Вырубова уклонилась от ответа, Воейков «наговорил госте много горьких истин», усомнившись в целесообразности отправки «старца» из столицы, так как всё равно «через два дня после отъезда его выпишут обратно» [19, с. 271]. Данный разговор, о содержании которого была оповещена царица, на длительное время поссорил Вырубову и Воейкова: вплоть до ноября 1916 г. отношения между ними были сведены к нулю.

Несмотря на то что Александра Федоровна и Вырубова верили в то, что Хвостов действительно готовил покушение на Распутина, Воейков продолжал поддерживать точку зрения о невиновности министра. Чувствуя влиятельную поддержку генерала, 25 февраля Хвостов послал навстречу Воейкову, возвращавшемуся из своего имения, Андроникова с целью заручиться его поддержкой во время расследования дела. Во время этой встречи князь убеждал Воейкова, что в этом деле «Хвостов <...> не так виноват» [10, с. 384]. 26 февраля Хвостов сообщил начальнику Охранной агентуры генералу А.И. Спиридовичу о том, что Распутин является немецким шпионом. Однако на соответствующий запрос Воейкова министр не предоставил ни одного доказательства этого факта [19, с. 289–290], что не могло не сказаться на доверии дворцового коменданта Хвостову. А после аудиенции у венценосцев 1 марта Воейков перешел на сторону царя и царицы в том, что Хвостов действительно замешан в попытке убийства Распутина [19, с. 294].

Поведение Воейкова в период «дела Ржевского» в очередной раз свидетельствует о том, что дворцовый комендант отнюдь не являлся марионеткой камарильи: принципиально выступая за высылку Распутина из столицы, генерал даже пошёл на конфликт с Александрой Фёдоровной и Вырубовой в данном вопросе, а ходатайство за опального министра князя Андроникова нисколько не повлияло в дальнейшем на отказ Воейкова поддерживать Хвостова.

Отношения Воейкова с Андрониковым, которые и раньше нельзя было назвать безоблачными, после «дела Ржевского» стали еще менее близкими: «со времени этих кошек³ он действовал против меня» [10, с. 391]. Князь часто посылал просьбы о встрече, однако чаще всего или получал отказ, или его обращения просто игнорировались. Так, после встречи 20 января и 25 февраля 1916 г. [10, с. 364, 384] князь неоднократно в письмах просил о свидании или выражал надежду на него, однако следующая встреча, о которой упомянуто в письмах князя, произошла лишь в июле 1916 г. [27, с. 38]. Не имея возможности личных бесед с дворцовым комендантом, Андроников засыпал его подробными письмами, в которых делился свежими политическими слухами из столицы.

Основные темы его посланий за 1916 г. – борьба с негодным ему министром финансов П.Л. Барком, при котором финансовый «крах неминуем» [27, с. 35], критика военного министра А.А. Поливанова и поддержка сменившего его Д.С. Шуваева [27, с. 34–35], которая через несколько месяцев обернулась критикой последнего [27, с. 38–40]. Почти к каждому письму Андроников прилагал выпуск своего еженедельника «Голос России», видимо надеясь на то, что царь и царица будут читать эту газету [6, с. 648]. Однако эти письма проходили мимо дворцового коменданта: как показывал Воейков, «он [Андроников. – М.К.] писал массу писем <...>, а я никакого внимания не обращал и никаких действий не принимал» [13, с. 66]. Более того, как признавался князь, с октября 1916 г. он с Воейковым «не виделся, несмотря на самое сильное мое желание... На мои письма, телеграммы, телефоны я всегда получал ответ: «Комендант очень занят», «комендант уехал», – потому что было приказание со мной порвать сношения» [10, с. 391].

Однако использовать административный ресурс и придворный вес Воейкова пытались не только представители «неофициальных влияний», но и близкие к этим кругам «официальные лица». В данном случае мы имеем в виду двух церковных иерархов: митрополита Петроградского Питирима (Окнова) и епископа Тобольского Варнаву (Накропина). Близость к Г. Распутину, поддержка отношений с его окружением создали архиереям ореол «распутинцев» в массовом общественном сознании.

В конце августа 1915 г. епископ Варнава оказался замешанным в серьезном церковном скандале, связанном с самочинным (без санкции Святейшего Синода) прославлением святого Иоанна Тобольского. Естественно, «превышение должностных полномочий» грозило

епископу, как минимум, лишением занимаемого поста [28, с. 140]. Учитывая же то, что положительно решить этот вопрос в сторону Варнавы мог только царь как формальный глава церкви, иерарх решил заручиться поддержкой своих «друзей», близких монарху (Г. Распутин и А. Вырубова) [28, с. 140].

В этой связи обращает на себя внимание следующий факт: 4 октября 1915 г. Воейков пишет письмо на имя епископа Варнавы, в котором благодарит за присылку иконы и архипастырское благословение [29, л. 1–2]. В чем была причина такого подношения дворцовому коменданту со стороны сибирского архиерея? Можно предположить, что дарение Воейкову иконы со стороны Варнавы было негласной, скрытой просьбой о ходатайстве перед царем в условиях приближающегося церковного разбирательства. Ответ Воейкова был лаконичным и ничего не обещающим, не исключено, что дворцовый комендант даже не увидел в подарке какого-либо подтекста. И хотя в «деле Варнавы» царь в итоге встанет на сторону опального архиерея, нет никаких оснований полагать, что это за этим решением стоял дворцовый комендант.

Однако использовать Воейкова в качестве проводника собственных идей и некоторых решений церковно-политического характера пытался митрополит Петроградский Питирим. Занятие столичной кафедры при фактическом отсутствии института патриаршества в стране на тот момент делало его фигуру весьма влиятельной не только в церковной, но и в общественно-политической жизни страны.

Впервые Воейков, сопровождавший в конце ноября – начале декабря 1914 г. Николая II во время поездки в Грузию, видел тогда еще архиепископа Карталинского и Кахетинского Питирима в Тифлисе, однако личного знакомства между ними тогда не произошло [13, с. 65].

Во время первого приезда в Ставку уже в ранге митрополита Петроградского 12 января 1916 г. Питирим встретился с Воейковым, хотя для дворцового коменданта эта встреча была отнюдь не приятной: «мне не удалось от него скрыться» [13, с. 65].

С какой же целью искал знакомства и беседы с дворцовым комендантом влиятельный церковный иерарх?

Дело в том, что поездка митрополита в Ставку для личной встречи с царем носила конкретную цель – ознакомить самодержца с содержанием плана реформы церковных приходов, а также довести до него определенные предложения политического характера [30, с. 123–124]. Обсуждение Питиримом вопросов, выходящих за рамки его церковных полномо-

чий, вызвало недоумение и неудовольствие со стороны царя [30, с. 124]. Желая сгладить негативный эффект от аудиенции у монарха, возможно, Питирим и обращался к дворцовому коменданту за поддержкой его предложений перед царем.

Намек на то, что разговор митрополита и дворцового коменданта был посвящен именно этому, содержится в телеграмме князя Андроникова Воейкову от 12 января: «Хотя поездка иерарха знаменательна тем не менее необходима большая осторожность к предполагаемым проектам требующим всестороннего разъяснения здесь дома точка прошу разрешение быть принятым в день вашего возвращения» [9, л. 111]. Андроников обращается к Воейкову как к лицу, уже посвященному в детали проекта, не исключено, что через это послание он желал узнать мнение генерала по высказанным Питиримом предложениям.

Очевидно, дворцовый комендант не желал идти на сближение с митрополитом, имя которого было тесно связано со «старцем». Однако Питирим не оставлял надежды установить контакт с Воейковым, но теперь решил действовать не напрямую, а через «друзей».

На допросе Чрезвычайной следственной комиссии А. Вырубовой была предъявлена вырезка из газеты «Свет», которую прислал подруге царицы митрополит Питирим («о том, что нужно уволить какого-то епископа»). Вырубова, в свою очередь, отправила эту вырезку Воейкову с письмом следующего содержания: «Посылаю вам, милый Владимир Николаевич, послужной список епископа от митрополита и вырезку из газеты. Сердечный привет» [31, с. 245]. К сожалению, проверить точность содержания письма, зачитанного во время допроса, как и реакцию на него генерала, не представляется возможным, так как это письмо не отложилось в соответствующем деле переписки Вырубовой и Воейкова [16]. Однако интересно, что имя митрополита в письме не упомянуто, иными словами, адресат уже знал или должен был догадаться, о ком идет речь.

А в письме от 11 сентября 1916 г. Андроников сообщал дворцовому коменданту: «Митрополит Питирим посылает Вам образ. Он также хочет послать образа К.Д. Нилову и М.В. Алексееву» [27, с. 40]. Обращает на себя внимание, что этот образ (икону) Питирим передает через Андроникова, а не напрямую. Определенно за этим подарком стояла попытка в очередной раз приобрести расположение Воейкова, однако, скорее всего, генерал отказался принимать икону от князя. В пользу этого говорит тот факт, что во время своего второго визита в Ставку 5 октября

1916 г. Питирим привез икону, которой благословил Воейкова и адмирала Нилова, а вслед за этим послал дворцовому коменданту «письмо с просьбой об одном офицере» [13, с. 65].

Однако, несмотря на настойчивое желание митрополита установить тесный контакт с дворцовым комендантом, последний был непреклонен: «он всеми силами стремился попасть ко мне, но неудачно» [13, с. 65]. Принятие же иконы от Питирима (так же, как и в случае с Варнавой) было для Воейкова, видимо, лишь формальной данью уважения сану, но не более.

Можно констатировать, что в отношениях как с камарильей, так и с представителями ее «ближнего круга» Воейков не входил в близкие, доверительные отношения, дистанцировался от просьб, предложений как личного, так и служебного характера, тем самым сохраняя свой политический нейтралитет. Однако это не спасло генерала от травли, объявленной ему представителями думской оппозиции, видевшей в нем «оплот» вневедомственных влияний при дворе⁴.

После думского выступления 1 ноября 1916 г. лидера кадетов П.Н. Милюкова, направленного против «темных сил», якобы управлявших государством, и публичной эскапады депутата-черносотенца В.М. Пуришкевича 19 ноября с ложными обвинениями против Воейкова ощущение приближающейся революционной развязки способствовало определённому сплочению камарильи вокруг дворцового коменданта.

Была возобновлена переписка по деловым вопросам Вырубовой и Воейкова [14, л. 32–36], а скандальный выпад Пуришкевича побудил Распутина 23 ноября написать генералу утешительное письмо следующего содержания: «Вот, дорогой, без привычки даже каша и та не сладка, а не только Пуришкевич с бранными устами. Теперь таких ос расплодилось миллионы. Так вот и поверь, как касается души, а надо быть сплоченными друзьями. Хоть маленький кружок, да единомышленники, а их много, да разбросаны силы. Не возьмет в них злоба, а в нас дух правды. Посмотри на Аннушкино лицо: для тебя она лучшее успокоение» [15, л. 15].

Подтекст телеграммы, направленной всего за неделю до убийства Распутина, был весьма точно помечен самим Воейковым: «ввиду все разраставшейся против него агитации он, по видимому, старался заискривать во всех людях, которых считал преданными царю» [11, с. 197]. Примечательно то, что Распутин писал «пострадавшему» Воейкову как члену своего «кружка», к которому он, очевидно, относил и Вырубову («Аннушка»). Так случилось, что после убийства Распутина именно Воейков по настоянию царицы курировал расследование этого злодеяния [23, с. 867–868].

Андроников, после «дела Ржевского» поссорившийся как с Распутиным, так и с Вырубовой [10, с. 391], настроивший против себя Александру Федоровну [23, с. 748, 828–829], почувствовал себя в изоляции. Просьбы о встрече с Воейковым 14 и 27 декабря снова не принесли никакого результата [9, л. 62–63]. К тому же 9 января 1917 г. Андроников был выслан из столицы по приказу командующего войсками Петроградского военного округа С.С. Хабалова и поселился в Рязани, откуда 30 января опальный князь написал «письмо из изгнания», которое послал дворцовому коменданту для передачи Николаю II [6, с. 654–655].

Надеясь на возобновление отношений с Вырубовой, Андроников безуспешно просил генерала поспособствовать в этом сближении: «Быть может Вы сочли бы возможным поговорить обо мне с Анной Александровной, которую, по-видимому, сильно возстановили против меня и убедить ее в том, что я страдаю невинно» [9, л. 65об.]. Воейков передал «исповедь» царю, однако серьезных результатов для Андроникова это не принесло: лишь после Февральской революции, 7 марта 1917 г. Андроников смог перебраться в Москву [6, с. 654–655], где и был вскоре арестован Временным Правительством.

Анализ взаимоотношений дворцового коменданта В.Н. Воейкова, одного из влиятельных приближенных царя, с представителями «неофициальных влияний» в окружении Николая II позволяет согласиться с той точкой зрения, что камарилья не имела серьезного политического влияния в России в годы Первой мировой войны, хотя, безусловно, пыталась проводить необходимые ей решения в жизнь. Практика опосредованного влияния камарильи на царя через его дворцового коменданта показала свою слабую эффективность, при этом, безусловно, едва ли не главную роль в своевременном «купировании» влияний «людей ниоткуда» сыграл сам В.Н. Воейков. Его умелое маневрирование между царем и царицей, с одной стороны, и представителями влияний, с другой стороны, позволяло дворцовому коменданту пользоваться одинаковым доверием как официальных, так и неофициальных лиц при дворе. А самое главное, это длительное время помогало сохранять хрупкое равновесие в раскладе внутривластных сил в период Первой мировой войны.

Примечания

1. О жизни и государственной деятельности В.Н. Воейкова подробнее см.: [7].

2. Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк находился в непосредственном подчинении дворцовому коменданту.

3. Имеется в виду «дело Ржевского».

4. Подробнее см.: [32].

Список литературы

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. 256 с.
2. Дякин В.С. Николай, Александра, Распутин и Камарилья // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 148–164.
3. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976. 318 с.
4. Иоффе Г.З. «Распутиниада»: большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 3. С. 103–118.
5. Куликов С.В. Глава III. «Министерская чехарда» // Первая мировая война и конец Российской империи: В 3 т. Т. 1. Политическая история. СПб.: Лики России, 2014. С. 121–164.
6. Лукоянов И.В. Глава VIII. Камарилья // Первая мировая война и конец российской монархии: В 3 т. Т. 1. Политическая история. СПб.: Лики России, 2014. С. 629–687.
7. Князев М.А. Государственная деятельность В.Н. Воейкова в контексте российской истории начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 43–51.
8. Варфоломеев Ю.В. «Прокаженная дворцовая камарилья»: расследование деятельности «темных сил» Чрезвычайной следственной комиссией Временного Правительства // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 3–15.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1617. Оп. 1. Д. 63.
10. Допрос кн. М.М. Андроникова 6 апреля // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства: В 7 т. Т. 1. Л.: ГИЗ, 1924. С. 361–402.
11. Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя Николая II. М.: Воениздат, 1995. 431 с.
12. Кретинин Г.В. Триумф и трагедии двух генералов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 12. С. 111–119.
13. Допрос В.Н. Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. Т. 3. Л.: ГИЗ, 1925. С. 58–83.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 627.
15. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 628.
16. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 626.
17. Мультатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.
18. Руднев В.М. Правда о царской семье // Русская летопись. Книга вторая. Париж, 1922. С. 39–58.
19. Спиридович А.И. Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. 720 с.

20. Допрос А.Н. Хвостова 18 марта // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. Т. 1. Л.: ГИЗ, 1924. С. 1–53.

21. Допрос М.С. Комиссарова 4 мая // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. Т. 3. Л.: ГИЗ, 1925. С. 139–178.

22. Показания А.Д. Протопопова от 19 июня // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. Т. 4. Л.: ГИЗ, 1925. С. 8–18.

23. Переписка Николая и Александры. М.: Захаров, 2013. 928 с.

24. Допрос ген. М.А. Беляева 17 апреля // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. Т. 2. Л.–М.: ГИЗ, 1925. С. 156–197.

25. Куликов С.В. Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 34–55.

26. Куликов С.В. Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1 (9). С. 36–57.

27. «Успокоения нечего ожидать»: Письма князя М.М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А. Вырубовой и В.Н. Воейкову / Публ. С.В. Куликова // Источник. 1999. № 1. С. 24–44.

28. Белоус П.В. Епископ Варнава (Накропин) и канонизация митрополита Иоанна (Максимовича) // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Сб. науч. тр. Вып. 1(8) / Под общ. ред. О.П. Цысь. Нижневартовск: НВГУ, 2018. С. 134–146.

29. ГАРФ. Ф. 1145. Оп. 1. Д. 71.

30. Фирсов С.Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. 236 с.

31. Допрос А.А. Вырубовой 6 мая // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. Т. 3. Л.: ГИЗ, 1925. С. 233–254.

32. Князев М.А. Дворцовый комендант В.Н. Воейков и думско-военная оппозиция: противостояние в годы Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 2. С. 55–65.

PALACE COMMANDANT V. N. VOEIKOV AND THE UNOFFICIAL ENTOURAGE OF NICHOLAS II IN 1914–1917

М.А. Князев

The article is devoted to the analysis of the relationship between Palace commandant Vladimir Voeykov (chief of the tsar's security) and the unofficial entourage of Tsar Nicholas II, including such figures as Gregory Rasputin, Anna Vyubova, and Mikhail Andronikov in the period between 1914 and 1917. The author of the article defines the nature of interaction between the representatives of non-departmental influences and the Palace commandant. At the same time the historiographic myth that Voeykov belonged to the 'court camarilla' is refuted. The political significance of the position of the chief of the tsar's security as the person closest to the tsar is substantiated. In theory it allowed non-departmental influences to use the Palace commandant as a mechanism for conveying certain ideas or requests. On the basis of both published and unpublished sources, it is proved that the palace commandant was not the conductor of influence of the camarilla, but he also opposed the attempts of 'irresponsible influences' at court in every possible way. The established facts of satisfaction of certain requests of the unofficial supplicants by Voeykov had a personal non-political character and it didn't affect the commandant's official powers. The relationship between Voeykov and church officials close to Rasputin, such as Metropolitan Pitirim (Oknov) and Bishop Barnabas (Nakropin) is considered to be specific. Voeykov's external politeness in relation to the hierarchs was combined with the general's certain distance from the people associated with the representatives of the 'dark forces'. In the conditions of the growing internal political crisis, the skillful maneuvering of the Palace commandant between the representatives of both the official and unofficial entourage of Nicholas II for a long time helped to maintain fragile balance in the spectrum of political forces during World War I.

Keywords: V.N. Voeikov, Nicholas II, camarilla, World War I, G.E. Rasputin, M.M. Andronikov, A.A. Vyubova.

References

1. Avrekh A.Ya. Tsarism on the eve of overthrow. М.: Nauka, 1989. 256 p.

2. Dyakin V.S. Nikolay, Alexandra, Rasputin and Camarilla // New Sentry. Russian military-historical journal. 1995. № 3. P. 148–164.

3. Chermensky E.D. IV State Duma and the Overthrow of Tsarism in Russia. Moscow: Mysl, 1976. 318 p.

4. Ioffe G.Z. «Rasputiniada»: The Great Political Game // Russian History 1998. № 3. P. 103–118.

5. Kulikov S.V. Chapter III. «Ministerskaya chehar-

da» // The First World War and the end of the Russian Empire: In 3 vols. Vol. 1. Political history. SPb.: Faces of Russia, 2014. P. 121–164.

6. Lukoyanov I.V. Chapter VIII. Camarilla // The First World War and the end of the Russian Monarchy: In 3 vols. V. 1. Political history. SPb.: Faces of Russia, 2014. P. 629–687.

7. Knyazev M.A. State activity of V.N. Voeikov in the context of Russian history of the beginning of the XX century // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2019. № 6. P. 43–51.

8. Varfolomeev Yu.V. «Leper Palace Camarilla»: in-

- vestigation of the activities of the «dark forces» by the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. 2010. Vol. 10. Ser. History. International relations. Issue 1. P. 3–15.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1617. Op. 1. D. 63.
10. Interrogation of the book by M.M. Andronikov on April 6 // *The fall of the tsarist regime*. Verbatim reports of interrogations and testimony given in 1917 in the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government: In 7 vol. V. 1. L.: GIZ, 1924. P. 361–402.
11. Voeykov V.N. With the Tsar and without the Tsar: Memoirs of the last palace commandant of Tsar Nicholas II. M.: Voenizdat, 1995. 431 p.
12. Kretinin G.V. Triumph and tragedies of two generations // *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*. 2014. Issue. 12. P. 111–119.
13. The interrogation of V. N. Voeykov. 28 April 1917 // *The Fall of the tsarist regime: transcripts of interrogations and depositions in 1917, in the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government*: In 7 vol. V. 3. L.: GIZ, 1925. P. 58–83.
14. State archive of the Russian Federation (GARF). F. 1467. Op. 1. D. 627.
15. GARF. F. 1467. Op. 1. D. 628.
16. GARF. F. 1467. Op. 1. D. 626.
17. Multatuli P.V. Nicholas II: The renunciation, which was not. M.: AST: Astrel, 2010. 639 p.
18. Rudnev V.M. The Truth about the Royal family. Book two. Paris, 1922. P. 39–58.
19. Spiridovich A.I. The Great War and the February Revolution: Memories. Memoirs. Minsk: Harvest, 2004. 720 p.
20. The interrogation of A.N. Khvostov on March 18 // *The fall of the tsarist regime: stenographic reports of interrogations and testimony given in 1917 in the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government*: In 7 vol. V. 1. L.: GIZ, 1924. P. 1–53.
21. The interrogation of M.S. Komissarov on May 4 // *The Fall of the Tsarist regime: verbatim reports of interrogations and testimony given in 1917 in the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government*: In 7 vol. V. 3. L.: GIZ, 1925. P. 139–178.
22. Testimony of A.D. Protopopov of June 19 // *The fall of the Tsarist regime: verbatim reports of interrogations and testimony given in 1917 in the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government*: In 7 vol. V. 4. L.: GIZ, 1925. P. 8–18.
23. Correspondence of Nicholas and Alexandra. M.: Zakharov, 2013. 928 p.
24. Interrogation of Gen. M. A. Belyaev on April 17 // *The Fall of the tsarist regime: verbatim reports of interrogations and testimony given in 1917 in the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government*: In 7 vols. V. 2. L.-M.: GIZ, 1925. P. 156–197.
25. Kulikov S.V. Appointment of Alexey Khvostov as the manager of the Ministry of Internal Affairs: pre-history and mechanism // *St. Petersburg Historical Journal*. 2014. № 4. P. 34–55.
26. Kulikov S.V. Appointment of Alexey Khvostov as the manager of the Ministry of Internal Affairs: pre-history and mechanism // *St. Petersburg Historical Journal*. 2016. № 1 (9). P. 36–57.
27. «There is nothing to expect for reassurance»: Letters of Prince M.M. Andronikov to Nicholas II, Alexandra Feodorovna, A.A. Vyubova and V.N. Voeykov / Publ. // *A Source*. 1999. № 1. P. 24–44.
28. Belous P.V. Bishop Barnabas (Nakropin) and the canonization of Metropolitan John (Maksimovich) // *Five Centuries of Ugra: problems and solutions, results and prospects: Collection of scientific papers*. Issue 1(8) / Under the general editorship of O.P. Tsys. Nizhnevartovsk: NVSU, 2018. P. 134–146.
29. GARF. F. 1145. Op. 1. d. 71.
30. Firsov S. L. Skilful power: the life story of Metropolitan Petrograd Pitirim (Oknov). M.: PSTSU Publishing House, 2011. 236 p.
31. Interrogation of A.A. Vyubova on May 6 // *The fall of the tsarist regime: transcripts of interrogations and depositions in 1917, in the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government*: In 7 vol. V. 3. Leningrad: GIZ, 1925. P. 233–254.
32. Knyazev M.A. Palace commandant V.N. In akov Duma-military opposition: opposition to the First world war // *Omsk scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5. № 2. P. 55–65.